

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152

Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук

*Интервью с АЛЕКСАНДРОМ ГЕЛЬЕВИЧЕМ ДУГИНЫМ,
доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором,
лидером Международного Евразийского движения*

Аннотация. Александр Гельевич Дугин — советский и российский философ, политолог, социолог, теоретик, кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор, лидер Международного Евразийского движения. Почетный профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева и Тегеранского университета. Приглашенный профессор Южного федерального университета, старший научный сотрудник Фуданьского университета (Шанхай). Александр Гельевич Дугин — автор ряда публицистических материалов, а также научных статей и учебников по геополитике, международным отношениям, теории многополярного мира, занимал пост главного редактора издательского центра «ЭОН», «Милый ангел», журнала «Элементы». С 1991 г. является председателем историко-религиозной ассоциации «Арктогея». С 1997 по 1999 г. являлся автором и ведущим программы «Геополитическое обозрение» (радио «Свободная Россия»). В 1998—2003 гг. — советник Председателя Государственной Думы РФ. С 2001 г. — председатель Политсовета (лидер) Общероссийского общественно-политического движения «Евразия». В 2008—2014 гг. — профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений, директор Центра консервативных исследований при социологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В 2016—2017 гг. — главный редактор телеканала «Царьград ТВ». В своем интервью А.Г. Дугин рассказывает о концепции евразийства, его основных школах, направлениях, представителях. Особое внимание уделяется влиянию евразийства на внешнюю политику России, стратегическому партнерству России и Китая. В интервью разбирается специфика евразийских исследований в Казахстане и Турции. Лидер Международного Евразийского движения подчеркивает, что многополярность сопровождается наличием как внешних, так и внутренних полюсов.

Ключевые слова: евразийство, геополитика, Большая Евразия, незападные теории международных отношений, эпистема, многополярность, Россия, Китай, Запад, Глобальный Юг

© Дугин А.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук : интервью с Александром Гельевичем Дугиным, доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения. Интервью провела М. А. Баранник // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1. С. 142—152. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152>

Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities

*Interview with ALEXANDER G. DUGIN,
Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), Professor,
Leader of the International Eurasian Movement*

Abstract. Alexander Gelyevich Dugin is a Soviet and Russian philosopher, political scientist, sociologist, theorist, PhD in philosophy, Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), professor, leader of the International Eurasian Movement. He is Professor Emeritus at Eurasian National University named after L.N. Gumilev and Tehran University, visiting Professor at Southern Federal University, Senior Research Fellow at Fudan University (Shanghai). Alexander G. Dugin is the author of a number of journalistic publications, as well as scientific articles and textbooks on geopolitics and international relations, theory of a multipolar world. He has served as editor-in-chief of the “EON” publishing center, “Dear Angel” publishing house, and the journal “Elements.” Since 1991, he has been the Chairman of the historical-religious Association “Arktogeya.” From 1997 to 1999, he was the author and host of the program “Geopolitical Review” (Radio Free Russia). In 1998—2003, an advisor to the Chairman of the Russian State Duma. Since 2001, Chairman of the Political Council (leader) of the All-Russian Socio-Political Movement “Eurasia.” In 2008 to 2014, Professor, Head of the Department of Sociology of International Relations, Director of the Center for Conservative Research at the Faculty of Sociology at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. In 2016—2017, editor-in-chief of “Tsargrad” TV channel. In his interview, Alexander G. Dugin discusses the concept of Eurasianism, its main schools, directions and representatives. Particular attention is paid to the influence of Eurasianism on Russia’s foreign policy and the strategic partnership between Russia and China. The interview deals with the specifics of Eurasian studies in Kazakhstan and Turkey. The leader of the International Eurasian Movement emphasizes that multipolarity is accompanied by the presence of both external and internal poles.

Key words: Eurasianism, geopolitics, Greater Eurasia, non-Western IR theory, episteme, multipolarity, Russia, China, West, Global South

For citation: Dugin, A. G. (2022). Eurasianism as a Non-Western Episteme for Russian Humanities: Interview with Alexander G. Dugin, Dr. of Sc. (Political Sciences, Social Sciences), Professor, Leader of the International Eurasian Movement. Interviewed by M.A. Barannik. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(1), 142—152. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152>

— Уважаемый Александр Гельевич, в декабре 2021 г. в РУДН прошла Международная научная конференция «Евразийская идеология и евразийская интеграция в постковидном мире: вызовы и возможности»¹, в которой вы приняли участие. Среди выступавших было немало зарубежных гостей, что свидетельствует об их интересе к данной проблематике. Вы стояли у

истоков возрождения евразийства в России. На ваш взгляд, насколько развито данное направление за рубежом?

— Существует очень много книг, наверное, сотни, посвященных развитию евразийства. Большое внимание евразийству уделяют иностранные ученые. Есть как исторические работы (первое направление), так и целый ряд материалов по неоевразийству (второе направление), которое я представляю (Дугин, 2002). Я видел около полусотни диссертаций, посвященных неоевразийским взглядам конца XX — начала XXI в. Создана целая школа,

¹ Eurasian Ideology and Eurasian Integration in the Post-COVID World: Challenges and Opportunities. International Conference, RUDN University, 10.12.2021. URL: <https://www.cnr.com/> (accessed: 02.01.2022).

огромная, влиятельная. Ее тоже очень последовательно изучают, часто, конечно, с целью критики.

Бруно Масаеш, государственный секретарь Португалии по европейским делам (2013—2015 гг.), написал книгу о евразийской экономике (Maçães, 2018), то есть уже не о евразийстве, а о концепте Евразия, смещении к Востоку главных центров цивилизаций, промышленности, экономики. Таким образом, третье направление — объективное евразийство, в рамках которого рассматривается не только евразийская идеология первой волны — работы П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого (Трубецкой, 2014а) или труды Л.Н. Гумилева — «промежуточного» мыслителя между первой и третьей волной, но очень важного (Гумилев, 1993). Третье направление — изучение евразийского материка, смещения цивилизационных трендов, экономики. Это автономная сфера западных и восточных исследований, авторы которых подчас имеют лишь отдаленное представление о нас (России. — *Прим. ред.*).

В целом вышеуказанное составляет пласт так называемых «евразийских исследований» (*Eurasian Studies*) (*Eurasian Regionalism as a Research Agenda...*, 2020). Более того, очень многие американские советологические центры были переименованы в 1990-е гг. в Центры *Eurasian Studies*. Собственно говоря, вся советология сейчас называется евразийскими исследованиями. Как во время холодной войны советология критически изучала своего противника, так и нас, евразийцев, сегодня изучают атлантисты. Это прекрасно вписывается в логику самого евразийства, поэтому не надо этому удивляться.

На наш взгляд, российским ученым следует более активно развивать атлантистские (атлантистские) исследования, то есть изучать наших противников — либералов, западников, сторонников глобальной западной гегемонии так же, как они изучают нас. И вот здесь как раз наблюдается асимметрия. Я даже думаю, что работ, посвященных евразийству — и историческому, и современному, — гораздо больше на Западе и за границей, чем у нас самих. То есть мы сами должным образом не ценим наши наработки.

— По вашему мнению, кого можно отнести к евразийцам? Что это за люди с точки зрения их профессиональной деятельности и политических взглядов?

— Изучением евразийства занимаются как представители академической науки, так и мозговых центров. Существует целый ряд исследователей исторического евразийства, и даже у нас, в частности историографы евразийства, а также представители академической науки, которые изучают Л.Н. Гумилева. Довольно много материалов, посвященных неоевразийству, мне, моим последователям и сторонникам. В свое время я дружил с Александром Сергеевичем Панариным, профессиональным философом, евразийцем третьей волны, который развивал оригинальные, своеобразные подходы (Панарин, 1995).

Встречаются также евразийцы как таковые, то есть люди, которые не просто изучают, а причисляют себя к евразийскому стилю мышления, евразийскому лагерю. Они абсолютно необязательно должны быть полностью согласны со мной во всем, но разделяют общие векторы, которые объединяют всех евразийцев и первой, и второй волны (как Л.Н. Гумилев), и нас.

То, что отличает евразийца от неевразийца, — вопросы принципиального характера. Евразийцы считают Россию цивилизацией, а не страной, цивилизацией незападной — это самое главное. Отсюда и континент Россия, и евразийский языковой союз Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона (Якобсон, 1931).

Второй признак — противостояние западной гегемонии, отказ западной системе ценностей в ее претензии на универсальность. Это вообще фундаментальный вопрос. Тот, кто так не считает, — не евразиец. Он может быть интересным мыслителем, философом, ученым, но только не евразийцем. Поэтому отвержение западной гегемонии, непризнание претензий Запада на универсальность его цивилизации — фундаментальное евразийское положение.

И третье — понимание интегральной идентичности России, которая не узко эксклюзивно строится вокруг славяно-православного ядра, но признает роль и вклад

других народов, которые вместе с нами строили эту цивилизацию, хотя, конечно, русский народ является главным и центральным в данном процессе. Вот это третий пункт. То, что у Н.С. Трубецкого названо «обще-евразийским национализмом» (Трубецкой, 2014b), — неуклюжее слово, оно мне не нравится, я не люблю национализм вообще. Но в любом случае идея именно такая. С нашими традициями, историческими идентичностями мы являемся полноценными правопреемниками гигантской евразийской территории, мы ее дети и несем за нее ответственность.

Три фундаментальных пункта современного евразийства (России-Евразии) могут проявляться в науке, экспертном сообществе, геополитике. Собственно говоря, российская геополитическая школа, тоже мною созданная (Дугин, 2011), на этом и строится. То есть существует российская геополитика, которая мыслит от лица Хартленда, и — атлантистская геополитика, которая мыслит от лица «морской силы» (*Sea Power*). Нечто подобное мы встречаем уже у основателей геополитики Х.Дж. Маккиндера (Mackinder, 1904) и А.Т. Мэхэна (2002), которые видели Евразию как объект. Мы же видим Евразию как субъект, а их (Запад. — *Прим. ред.*) — как объект. Вот и вся разница. Таким образом, мы дополняем «шахматную доску» «фигурой» России, которая выступает в качестве полноправного легитимного актора в мировой политике, чтобы они не вертели эту доску сами, не играли одновременно и белыми, и черными фигурами, как они привыкли делать в те периоды, когда Евразия была слаба, утратив собственную идентичность. Другими словами, такова евразийская позиция. Это достаточно широкое понятие.

В понятие евразийства можно включить и практиков, среди которых С.Ю. Глазьев, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Глазьев, 2018). Конечно, их взгляды достаточно далеки от того, как свои идеалы трактовали первые евразийцы, но это тоже современная, прикладная часть евразийства. Вместе с тем стратегия наших военных и

самосознание руководства современного Министерства обороны с 1990-х гг. уже тоже евразийские. Сейчас благодаря тому, что и В.В. Путин также разделяет многие евразийские идеи², военно-стратегическое и политическое видения совпали, тогда как раньше, в 1990-е гг., они расходились. Поэтому влияние евразийства в целом очень многомерно, многопланово, охватывает как экспертное сообщество, так и научное, академическое, как политиков, так и военных, а также экономистов.

— Помимо российского евразийства известно, например, о «казахстанском» взгляде на эту идею, а также ее «турецком» понимании. Где еще встречаются сторонники евразийской идеи? В чем их отличия друг от друга? Каковы вообще географические пределы евразийства?

— На самом деле, термины «Евразия» и «евразийство» имеют очень широкое толкование (Базавлук, 2018). Что касается казахстанского евразийства, то я считаю, что попытка была неудачной. Изначально Н.А. Назарбаев пытался найти место Казахстана как общества с евразийской идентичностью в контексте «Большой Евразии»³ и даже предложил создание евразийской конституции. В общем, это было хорошее и правильное начинание. Но постепенно и он, и другие казахстанские интеллектуалы посчитали, что евразийство (в первую очередь в моем лице⁴) является идеологией русского

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 19.09.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 22.02.2022).

³ Выступление Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. // Комитет ГД ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками. URL: <https://komitet.info/eurasian-integration/history/148/> (дата обращения: 02.01.2022).

⁴ Александр Дугин: Народы Евразии хотят демократической империи // Известия-Казахстан № 77 (622). URL: <https://znakz.net/2003/04/30/%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%B4%D1%83%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%8B-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D1%8F%D1%82/> (дата обращения: 02.01.2022).

империализма и решили построить альтернативное евразийство⁵.

Сочетание казахского национализма с евразийскими тезисами стало полным фиаско, не сложившись ни в теории, ни в официальной позиции, а сыграв роль простого ресентимента. Можно провести аналогию с «Правым сектором», вооружившимся идеологией украинского нацизма. Казахский вариант не получил своего развития, хотя изначально Н.А. Назарбаев стремился найти место казахов в евразийском контексте. Подобным стремлением было обусловлено то, что Евразийский национальный университет был назван именем Л.Н. Гумилева. Казахский лидер двигался в правильном направлении, но потом несколько с него сошел, а впоследствии и вовсе забросил евразийство. Сейчас в Казахстане оно представлено остаточным. Фактически была предпринята попытка создать что-то вопреки русским, вопреки мне.

В Турции все сложнее. Там, на самом деле, евразийские настроения очень сильны⁶. Ряд турецких евразийцев утверждают евразийскую идентичность Турции, то есть также отвергают западную гегемонию, говорят, что Турция — не часть восточного, западного или исламского мира, а полноценная отдельная цивилизация. В этом они очень похожи на нас. Те же турецкие евразийцы часто выступают за союз с Ираном, Китаем и Россией. Данное направление турецкого евразийства представлено «Партией Родины» (*Vatan*) во главе с Догу Перинчеком, а также рядом турецких военных.

В описанном варианте евразийства нет никакого противоречия с нашим евразийством. Таков турецкий взгляд, тюркская идентичность, но она прекрасно вписывается в гумилевские модели. Это то новое, о чем грешил в свое время К.Н. Леонтьев, — союз двух традиционных обществ (российского и турецкого), двух империй (Российской и Османской) в противостоянии либеральному,

демократическому антиевразийскому, атлантскому Западу (Леонтьев, 2010).

Однако существует и вторая версия турецкого евразийства, которая, собственно говоря, ближе к пантюркизму, турецкому национализму, поскольку развивалась под прямым контролем атлантских центров. Абдулла Гюль, Ахмет Давутоглу — бывшие соратники Р.Т. Эрдогана, продвигавшие данную версию.

Кстати, у меня была полемика лет 15 назад с Девлетом Бахчели, лидером Партии националистического движения Турции. Он утверждал, что Дугин предлагает не Евразию (по-турецки *Avrasya*), а «Авруссию» (*Avrusya*). Авруссия — неологизм, похожий на Евразию, но вместо Азии там Россия. То есть он, как в свое время казахские мыслители, пытался избавиться от явной доминанты русских в евразийстве.

Вместе с тем идеология евразийства была создана, поддержана и развита русскими, а сегодня на глобальном уровне представлена нами, в том числе мной и моими единомышленниками, поэтому русские являются создателями евразийства, хотя нельзя отрицать роли Э. Хара-Давана (Дугин, 2002, с. 448—454), Я.А. Бромберга (2002), К.А. Чхеидзе в формулировании постулатов евразийской идеологии.

Таким образом, в евразийстве есть место для каждого — для калмыка (монгола), еврея или грузина. Но, конечно, это преимущественно русское мировоззрение. И если часть турецких исследователей признает такую позицию, охотно включаясь в развитие концепции, и тогда противоречий нет, то другая часть пытается создать свое, турецкое евразийство, а это, в свою очередь, приводит к такому же фиаско, как и в случае с казахским евразийством. Казахское евразийство — ультранационалистическая версия (например, в рамках него Хартлендом считается Казахстан, а не Россия). У турок, однако, больше концептуальных оснований построить свою самостоятельную евразийскую модель, так как они — имперский народ. Но подобная модель пока до конца не сформирована, а та, что существует, очень напоминает наше евразийство, только в центре нее находится Турция.

⁵ В данном номере журнала опубликовано исследование А. Вахшита, М.В. Лапенко и А. Мукашевой о генезисе казахского евразийства (*Прим. ред.*).

⁶ В данном номере журнала опубликована статья Эмре Эршена о турецком восприятии евразийской интеграции (*Прим. ред.*).

В других странах, например в Иране, внимание к евразийству также возрастает, как и в Китае, хотя не так быстро, как казалось. Тем не менее, когда В.В. Путин провозгласил концепцию «Большой Евразии»⁷, чтобы дополнить китайскую инициативу «Пояса и пути», Китай начал демонстрировать заинтересованность в евразийстве. Я ездил с лекциями в Шанхай и Пекин, где огромные аудитории китайцев очень внимательно слушали мои рассуждения о евразийской идеологии. Туран — не их концепция, а нечто иное, другая цивилизация, но они с большим интересом открывают для себя разные аспекты этого мировоззрения.

В Пакистане и даже в арабском мире, который к Евразии практически не имеет отношения, пробуждается интерес к евразийству. Даже в Европе появляется интерес: некоторые представители патриотических кругов говорят о том, что Европа должна присоединиться к Евразии и отойти от Америки. Такие концепции, как, например, голлизм или проект «Большой Европы», — тоже часть европейского евразийства. Поэтому у евразийства множество версий и направлений. Некоторые из них друг друга дополняют, подходят друг к другу, а некоторые — совершенно взаимоисключающие. Однако здесь прослеживается магистральная линия — все те усилия, которые приложили несколько поколений русских ученых, от первых евразийцев до нас. Это не имеет аналогов, и в каком-то смысле евразийство остается нашей национальной идеей.

— Можно ли говорить о непредубежденном восприятии евразийства за рубежом, в частности на Западе, с точки зрения оценок? Доминируют ли те, кто считает, что российские власти, используя евразийскую тематику, реабилитируют советское и имперское прошлое России и стремятся к восстановлению контроля Москвы над территориями за пределами России?

⁷ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России, 17.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 22.02.2022).

— И Российская империя, и Советский Союз, а до этого империя Чингисхана, Голубая Орда и другие формы государственности, например скифские империи, которые существовали на данной территории, — все это разные форматы единого цивилизационного начала, поскольку Евразия имеет очень древние корни, гораздо более древние, чем только славянские или русские, чем царская Россия или Советский Союз. В этом отношении все формы, объединяющие Евразию, имеют некоторый общий стиль — особую территорию, которая не интегрируется ни в Европу, ни в китайскую, иранскую, индийскую или семитскую цивилизации. Данная территория представляет собой абсолютно отдельную зону, которая объединялась с исторически разными народами и под разными идеологиями. Однако это всегда была Евразия или Великий Туран. Туран, кстати, — название индоевропейское, а не турецкое, оно упоминается в Авесте, когда Турции еще не было. Не было такой страны, а турецкий народ появился гораздо позже, спустя 1 тыс. лет после того, как была составлена Авеста. Тураном назывались иранские кочевые народы Евразии. В таком контексте Евразия — цивилизация, которая имеет очень долгую историю.

Когда сегодня российские власти говорят о Евразийском союзе или евразийской цивилизации, подчас это совпадает с русским миром, русской цивилизацией, хотя евразийство уточняет этот момент, потому что, например, Казахстан — явно нерусский, но евразийский, как и очень многие другие территории. Поэтому отсылка к евразийству — это обращение к особой цивилизации, границы которой намного превосходят Российскую Федерацию (Дугин, 2002). Российская Федерация — некий «обрубок» евразийской цивилизации, это часть, тело, но без рук, ног и головы. Конечно, для евразийской цивилизации естественно восстановить свой исторический объем и исторические границы.

Некорректно также говорить о возрождении Советского Союза, поскольку в евразийском проекте отсутствует коммунистическая идеология. Нельзя говорить и о возрождении царской империи, потому что не

предполагается реставрация монархии. Речь идет о возрождении единого цивилизационного пространства, единого «Большого пространства» (*Großraum*) под новой эгидой, с новыми принципами и ценностями, вернее — новыми формулировками древних евразийских ценностей. В данном контексте мы говорим не об эксплуатации евразийских государств, а о том, что российская власть, российская политика при В.В. Путине становится все более рациональной и последовательной, исторически обоснованной, и концепция евразийства тем больше начинает преобладать в его политике. Это происходит медленно, поскольку влияние атлантизма в 1990-е гг. было очень сильным. Элита остается либеральной, прозападной, и В.В. Путин не может или не стремится этому противостоять. Данный фактор, конечно, существенно тормозит имплементацию евразийской идеологии в российскую действительность, но постепенно этот процесс все равно идет. Я абсолютно убежден, что практически все постсоветское пространство будет интегрировано (рано или поздно) в единый Евразийский союз на различных условиях, в разных формах и в разное время, то есть в рамках разнотемпной интеграции. Однако интеграция постсоветского пространства в любом случае состоится, и Россия будет играть в этом ведущую роль. Данный проект не предполагает ни экспансию, ни новую версию империализма, ни идеологическое продвижение взглядов России. Речь идет о создании братства народов, культур, религий в едином общем контексте, которому можно противодействовать, и даже эффективно, это можно отложить, но этого нельзя избежать. География — это судьба, а Евразия — судьба для всех постсоветских стран. Чем больше некоторые этому сопротивляются, тем болезненнее для них будет проснуться однажды в Евразийском союзе. Как бы они к нему ни относились, его создание неизбежно.

— На ваш взгляд, допустимо ли рассматривать российское евразийство как незападную теорию международных отношений?

— Российское евразийство — незападная теория международных отношений, а также политическая теория, выходящая за пределы трех классических политических западных теорий: либерализма, коммунизма и фашизма. Это четвертая политическая теория (Дугин, 2009), теория многополярного мира (Дугин, 2013), теснейшим образом связанная с евразийством. Более того, евразийство представляет собой особый, универсальный эпистемологический канон, имеющий собственный взгляд на любую гуманитарную дисциплину. У евразийства есть свой подход ко всему, и в этом отношении оно представляет собой универсальную эпистему, которая пока до конца не имплементирована и не развита, но она уже содержится в алгоритме евразийства, поэтому ее достаточно легко обосновать.

Я сам неоднократно демонстрировал, как именно развернуть евразийские принципы в теорию многополярного мира (Дугин, 2013), теорию международных отношений, этносоциологическую концепцию или в представление о социологии русского общества, а также антропологию, военную стратегию или геополитику. На базе взглядов Л.Н. Гумилева можно построить собственную этнологию, на постулатах Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона — культурологию, и это было сделано, что демонстрирует российская школа структуралистов, в рамках которой развивались якобсоновские мысли⁸. Филология и фонология Н.С. Трубецкого — то, на чем основана наша лингвистика. Собственно говоря, филология, лингвистика, теория международных отношений, четвертая политическая теория, особый взгляд на историю и еще много чего — все содержится в нуклеусе (ядре) евразийского мировоззрения. В этом отношении, конечно, евразийство представляет собой законченную эпистему.

— Распад Советского Союза и крушение системы социализма привели к тому, что российские исследователи сделали

⁸ В данном номере журнала опубликована статья А.В. Шабаги, посвященная евразийскому структурализму (*Прим. ред.*).

разворот в сторону западных политологических теорий. Вследствие этого в постсоветском академическом дискурсе стали доминировать концептуальные представления западных авторов, а отечественная социально-философская и политическая мысль была вытеснена на периферию. Можно ли с высоты сегодняшнего дня говорить о преодолении данной тенденции?

— Если говорить об отечественной современной гуманитарной науке, то она, конечно, не развивается в духе евразийской эпистемы. Это не может не вызывать глубокого сожаления, поскольку наука без идеологии невозможна, что прекрасно показали М. Фуко, Т. Кун, Б. Латур. Советская наука была проекцией советской идеологии, и когда советская идеология исчезла из общества в 1990-е гг., построенная на базе данной идеологии наука также рухнула, потому что продолжать использовать те же самые методы и принципы при отсутствии советского, коммунистического, марксистского фундамента было невозможно. Советские люди этого не поняли и продолжали учить новое поколение тому, чему они сами учились, что создало абсолютный эпистемологический кризис и стало своеобразным «догматическим сном»: вне советской ситуации люди продолжали воспроизводить советские лозунги, которые отныне «промахивались» мимо цели. В первую очередь, такая тенденция коснулась гуманитарных наук, где влияние идеологических моделей еще более сильно и всеобъемлюще.

Во-первых, возврат к советской идеологии не служит альтернативой Западу. Это все просто должно умереть. По-другому не скажешь, так как данная идеология больше не имеет жизненной подпитки и будет просто вырождаться, пока не умрет вообще и не освободит пустоту, которую сегодня заполняет.

Во-вторых, на место советской идеологической модели пришел либерализм. Он просуществовал у нас в обществе 10 лет как политическая доминанта, негативно отразившись на многих сферах деятельности, но системно имплементирован в науку не был. Фрагментарно либерализм спорил с советской моделью и вытеснял патриотизм.

Однако большинство советских людей, советских ученых и преподавателей, которые бросились использовать западные источники, строго говоря, ничего в них не поняли. Поэтому возникла парадоксальная ситуация: одна половина мозга в постсоветском образовании мыслит по-советски, что уже не отвечает существующим реалиям, а другая рассуждает либерально. К реальности это не имеет никакого отношения, между собой конфликтуют два полушария.

Евразийская эпистема существует крайне периферийно, точно. На отдельных кафедрах работают люди, которые ее развивают. Однако даже на уровне факультетов, не говоря уже о вузах, евразийской эпистемы нет. Я говорил с В.А. Садовничим, мы даже пытались в МГУ им М.В. Ломоносова внедрить евразийский канон, но кончилось все не так, как ожидалось, и наше начинание «захлебнулось».

Вместе с тем я продолжаю настаивать, что именно евразийство является той матрицей, на которой можно построить науку и образование в гуманитарной сфере, создать нашу отечественную школу. От нее легко «бросить мостик» и к Серебряному веку, русской религиозной философии и славянофильству — ко всему аутентичному, подлинно русскому, что существовало последние 200—300 лет. Этим сейчас практически никто не занимается в должной мере, поэтому большинство сохраняет такое «гибридное» мышление, сочетающее элементы советского и либерального менталитета. Последний, в отличие от 1990-х гг., тоже больше не поддерживается идеологией.

В принципе современная система образования — своеобразный монстр, который не может ничего транслировать, кроме обрывочных, фрагментарных знаний. Никаких последовательных методологий, ничто не бьется друг с другом. Само развитие либеральной матрицы на Западе за последнее время развернулось на 180°, претерпели изменение даже сами либеральные установки. 50—60 лет назад наука на Западе была одна, а сегодня она совершенно иная. За этим процессом не уследить, что добавляет шарма

последовательному вырождению российских либеральных ученых. Подобное сочетание неменяемых западников-либералов с неменяемыми коммунистами создает атмосферу совершенной несопоставимости научной жизни. Евразийство — это альтернатива, которую пока не хотят признать коллеги, продолжающие задавать тон в нашей образовательной сфере.

— Как вы считаете, можно ли рассматривать евразийскую идею как идеологическое ценностное основание российской внешней политики?

— Очень хороший вопрос. Если говорить о том, где влияние евразийства максимально, то, с моей точки зрения, — это внешняя политика России при В.В. Путине. Не декларации, мировоззрение или образовательный процесс, а именно внешняя политика. Либеральные институты никак не влияют на реальную внешнюю политику, которую реализует В.В. Путин сам, самостоятельно, и в ней объективное влияние евразийства очень сильно. В.В. Путин утверждает, что Россия не объект, а субъект мировой политики, и этим все сказано. Здесь наблюдается разрыв с либеральной идеологией, но при этом и не марксистский подход, поскольку марксистский интернационализм мыслит совершенно иначе. Это представление о России как суверенном центре, суверенном полюсе, что отражает главный евразийский принцип: Россия — независимая от Запада, самостоятельная цивилизация, и В.В. Путин строит свою политику именно так, исходя из этого положения, и это фундаментально.

Далее, В.В. Путин все больше и больше балансирует ориентацию на Запад отношениями с Востоком: Китаем, Ираном, Турцией, Пакистаном и Индией. Он реализует интеграцию постсоветского пространства, возможно, не так быстро, эффективно и блистательно, как хотелось бы нам, евразийцам, но делает все очень последовательно, не меняя направления. Он может затормозить на этом пути, может что-то сделать несколько неуклюже, но он движется вперед. Здесь

влияние евразийства на внешнюю политику В.В. Путина является наиболее существенным.

Отчасти В.В. Путин действует как евразиец, отчасти — как реалист. Одно совершенно не противоречит другому, просто реалистское представление связано с государством, а евразийское — с цивилизацией. Однако В.В. Путин все чаще обращается к цивилизации и ценностям, на этом основании отвергая неолиберальную гегемонию, а это уже чисто евразийский подход, государство здесь ни при чем. На уровне государств он утверждает суверенитет, то есть реалистскую модель, не конфликтующую с евразийством. При этом во внешней политике В.В. Путина нет ничего либерального. Даже стремление иметь хорошие отношения с Западом — не либерализм, а прагматизм, расчет, и это вполне допустимо. Я вообще считаю, что во внешней политике евразийство оказывает наибольшее влияние на российскую власть.

— Считаете ли вы, что сегодня мы наблюдаем процесс оформления «новой биполярности» с участием США и КНР? Имеет ли место транзит глобальной власти от США к КНР?

— Нет, конечно, это не так. Я очень хорошо знаю, как мне кажется, китайскую внешнюю политику, поскольку очень много общаюсь с ее идеологами, интеллектуалами, политиками, которые ее строят. Я убежден, что у Китая нет помыслов о глобальной гегемонии, он не хочет заместить собой США. КНР мыслит себя как очень влиятельную, мощную, универсально притягательную цивилизацию, но наряду с другими. Когда китайцы говорят о многополярности, они именно это и имеют в виду. У Китая нет инструментария для того, чтобы предложить всему человечеству какую-то одну идеологию, которая имела бы у Советского Союза или современных либералов-глобалистов. Все-таки китайская идеология остается сугубо китайской. Она очень привлекательна и для стран Южной Азии, где-то она может расширить свое влияние, которое, безусловно, не является глобальным, планетарным.

Я думаю, что мы уже сейчас, сегодня, живем в трехполюсном мире, где существует глобалистский Запад, трещащий по швам, Китай и Россия. Это три цивилизации, они различны и обладают различными объемами, идеями и ориентирами. Между собой они находятся в разных отношениях. У России с Китаем, я думаю, — стратегическое партнерство, что и позволяет трехполюсному миру состояться. С западным полюсом, который продолжает настаивать на единственности и гегемонии, нарастает конфликт и у нас, и у Китая. Остальным предлагается занять свое место: либо на стороне Запада, либо на стороне Китая или России, либо, скорее, на стороне Китая и России, поскольку это один выбор — в пользу многополярности.

Собственно говоря, именно так решается проблема в Казахстане. Казахстану предлагается дружить с Россией и Китаем и сократить свои отношения с Западом, потому что Запад и создает там проблемы. Аналогично для Украины, Грузии или Белоруссии. Не надо выбирать между Россией и Китаем — так вопрос не стоит практически нигде. Необходимо выбирать между Западом либо Россией с Китаем. Подобный выбор есть, и он реально есть везде.

Следует решать, с кем строить свое будущее: в однополярном глобальном либеральном мире или же в многополярном мире, где возможно построить и другие полюса. Если, например, Евросоюз выйдет из-под влияния Запада, то будет еще один полюс — европейский, и это замечательно. Исламский мир имеет все шансы стать самостоятельным полюсом. Африка, Латинская Америка, Индия — могут быть и другие полюса. Таким образом, многополярность — не закрытый клуб участников. То, что мы живем в трехполюсном мире, не значит, что так будет всегда. Россия и Китай готовы принять в свой многополярный клуб другие полюса. Это прекрасно понимают иранцы, пакистанцы, турки, индусы. Поэтому все гораздо сложнее, нежели противостояние отдельных держав. В нынешнем трехполюсном мире линия антагонизма проходит между Вашингтоном, с одной стороны, и Пекином и Москвой — с другой. Промежуточные территории, оспариваемые

зоны, зоны конфликта и противоречий — это, в частности, Тайвань и Украина.

Внутри США наблюдается серьезный антагонизм между нынешней администрацией и практически половиной населения. Таким образом, следует признать, что оппозиция существует и в России в лице западников-либералов, и в Китае — в лице западников, и в США, поэтому трехполюсность сопровождается еще и наличием внутренних полюсов. В России действует атлантистская оппозиция (элита), а в США — антиглобалистская оппозиция (элита). При Д. Трампе мы могли наблюдать, что она может привести к власти своего президента, а это очень серьезно.

В Китае наблюдаются какие-то менее понятные, менее очевидные прозападные тенденции, о чем достаточно обстоятельно рассуждает Н.Н. Вавилов. Существуют «комсомольцы», прозападные либеральные круги, которые были бы не против заключить альянс с США в рамках G2. То есть у всех есть внутренние проблемы, внутренние полюса, поэтому многополярность, о которой мы говорим, имеет как внешнее, так и внутреннее измерения.

— Можно ли говорить о том, что идет процесс складывания «коллективного не-Запада» из числа стран Глобального Юга, для которых западцентристский мир теряет актуальность, привлекательность и даже несет угрозы и вызовы? Какое место Россия может занять в таком раскладе сил?

— Да, это правильно. Однако «Глобальный Юг» — термин И. Валлерстайна, я не очень жалую марксистских (неотроцкистских) теоретиков международных отношений, поскольку они явно недооценивают того, что называется (в их же модели) «вторым миром» (полупериферией), и считают, что этот «мир» должна постигнуть та же участь, что и всех остальных, так как существует единый полюс развития. «Глобальный Юг» против «Глобального Севера» — ложная дихотомия, поэтому я бы остерегался использовать понятие «Глобальный Юг» и говорил просто о Юге.

Внутри самого «Планетарного Юга» мы можем видеть несколько южных регионов. Так, Латинская Америка все меньше и меньше удовлетворена позицией Северной Америки и Европы. Особенно наглядно это видно на примере таких стран, как Куба, Венесуэла, Никарагуа. То же самое становится очевидно и в Аргентине, и в Бразилии (в ближайшее время как раз планируется визит обоих президентов в Россию). Конечно, Латинская Америка находится в поиске своего собственного пути, и Россия здесь может помочь.

В Африке наблюдается активизация России на западе континента (в Мали, Буркина-Фасо) и в Центральной Африке. Российское присутствие в Африке, как и китайское (которое уже очень масштабно), будет только нарастать. Тем самым Россия и Китай будут помогать странам Африки становиться самостоятельным полюсом. Африка все активнее выступает против неокOLONиальной политики, традиционной для Европы и США. Аналогично можно говорить и об исламском

мире, который также иногда включают в Юг. Исламский мир также ищет своей самостоятельности, и вновь Россия или Китай приходят на помощь, как, например, в Ираке. Россия должна вместе с Китаем организовывать этот незападный мир, помогая ему становиться сильным, полноценным, независимым, в том числе независимым от нас самих.

Мы не хотим поменять зависимость от Запада на зависимость от нас. Мы не несем в себе навязчивую, обязательную либеральную идеологию, не требуем от других принятия каких-то парадигм. Наоборот, мы помогаем цивилизациям Юга (Латинской Америке, исламскому миру, Африке) выработать свою собственную цивилизационную парадигму, отличную как от Запада, так и от нас или китайцев. Подобный подход сделает Россию настолько влиятельным и уважаемым актором мировой политики, насколько это возможно. Мы идем именно к этому. В.В. Путин это понимает, и поэтому все, что он делает, укладывается в эту картину.

Интервью провела М.А. Баранник / Interviewed by M.A. Barannik

Поступило в редакцию / Received: 10.01.2022

Библиографический список

- Базавлук С. В. Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 2. С. 273—283. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-2-273-283>
- Бромберг Я. Я. Евреи и Евразия. Москва : Аграф, 2002.
- Глазьев С. Ю. Наука на службе евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 2. С. 10—11.
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. Москва : АСТ, 1993.
- Дугин А. Г. Геополитика. Москва : Академический проект, 2011.
- Дугин А. Г. Основы евразийства. Москва : Арктогея-Центр, 2002.
- Дугин А. Г. Теория многополярного мира. Москва : Евразийское движение, 2013.
- Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. Санкт-Петербург : Амфора, 2009.
- Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2010.
- Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю 1660—1783. Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002.
- Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. Москва : ИФРАН, 1995.
- Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. Москва : Алгоритм, 2014а.
- Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Русское зарубежье: история и современность. Вып. 3. Москва : ИНИОН, 2014б. С. 198—206.
- Якобсон Р. О. К характеристике евразийского языкового союза. Прага : Издание евразийцев, 1931.
- Eurasian Regionalism as a Research Agenda. Interview with Dr. Mikhail A. Molchanov, University of Salamanca, Spain // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 3. P. 560—573. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-560-573>*
- Maçães B. The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. London : Allen Lane, 2018.
- Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 3, no. 4. P. 421—437.